

Историческая перспектива внешней политики России

6 марта 2016
Сергей Лавров

Размышления на новом этапе международного развития

Сергей Лавров – министр иностранных дел Российской Федерации.

Резюме: На протяжении по крайней мере двух с лишним столетий любые попытки объединить Европу без России и против нее неизменно оканчивались трагедиями, преодолевать последствия которых удавалось лишь при решающем участии нашей страны.

<http://www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019>

Международные отношения проходят через очень непростой период, и Россия, как уже не раз бывало в истории, оказалась на перекрестке ключевых тенденций, во многом определяющих вектор будущего мирового развития.

В этой связи высказываются разные точки зрения, включая сомнения относительно того, достаточно ли трезво мы оцениваем международную ситуацию и собственные позиции в мире. Вновь слышны отголоски извечных для России споров между «западниками» и сторонниками собственного, уникального пути. Есть и те – и внутри страны, и за границей, – кто склонен полагать, что Россия чуть ли не обречена вечно быть отстающей или «догоняющей» страной, вынуждена постоянно подстраиваться под придуманные другими правила игры и поэтому не может в полный голос заявлять о своей роли в мировых делах. Хотелось бы в данном контексте высказать некоторые соображения в увязке с историческими примерами и параллелями.

Непрерывность истории

Давно замечено, что продуманная политика не может существовать в отрыве от исторической перспективы. Обращение к истории тем более оправданно, что в последний период отмечался целый ряд юбилейных дат. В прошлом году мы праздновали семидесятилетие Великой победы, в позапрошлом – вспоминали о начале сто лет назад Первой мировой войны. В 2012 г. отмечалось двухсотлетие Бородинской битвы, а также четырехсотлетие освобождения Москвы от польских захватчиков. Если вдуматься, эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой истории.

Исторические факты не подтверждают расхожий тезис о том, что Россия, дескать, всегда находилась на европейских задворках, была аутсайдером европейской политики. Напомню в этой связи о том, что крещение Руси в 988 г. – кстати, 1025 лет этого события также отмечалось недавно, – способствовало рывку в развитии государственных институтов, социальных отношений и культуры, превращению Киевской Руси в полноправного члена тогдашнего европейского сообщества. В то время династические браки являлись лучшим индикатором роли страны в системе международных отношений, и сам за себя говорит тот факт, что в XI столетии сразу три дочери великого князя Ярослава Мудрого стали королевами

соответственно Норвегии и Дании, Венгрии, Франции, его сестра – женой польского короля, а внучка вышла замуж за германского императора.

Многочисленные научные исследования свидетельствуют о высоком – нередко более высоком, чем в западноевропейских государствах – культурном и духовном уровне развития тогдашней Руси. Ее вписанность в общеевропейский контекст признается многими видными западными мыслителями. Но при этом русский народ, имея собственную культурную матрицу, свою духовность, никогда не сливался с Западом. В этой связи уместно вспомнить трагическую и во многом переломную для нашего народа эпоху монгольского нашествия. Александр Пушкин писал: «Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией». Хорошо известно и альтернативное мнение Льва Николаевича Гумилева о том, что монгольское нашествие способствовало формированию обновленного русского этноса, что Великая степь дала нам дополнительный импульс в развитии.

Как бы то ни было, очевидно, что тот период крайне важен для утверждения самостоятельной роли русского государства на евразийском пространстве. Вспомним в этой связи политику великого князя Александра Невского, который принял временное подчинение в целом веротерпимым правителям Золотой Орды, чтобы отстоять право русского человека иметь свою веру, самому распоряжаться своей судьбой вопреки попыткам европейского Запада полностью подчинить русские земли, лишить их собственной идентичности. Такая мудрая, дальновидная политика, убежден, осталась в наших генах.

Русь согнулась, но не сломалась под тяжестью монгольского ига и смогла выйти из этого тяжелого испытания в качестве единого государства, которое впоследствии и на Западе, и на Востоке стали рассматривать как своего рода наследника павшей в 1453 г. Византийской империи. Внушительная по размерам страна, раскинувшаяся практически по всему восточному периметру Европы, начала органично прирастать огромными территориями Урала и Сибири. И уже тогда она играла роль мощного балансирующего фактора в общеевропейских политических комбинациях, включая знаменитую Тридцатилетнюю войну, по итогам которой в Европе сложилась Вестфальская система международных отношений, принципы которой, прежде всего уважение государственного суверенитета, имеют значение и сегодня.

Здесь мы подходим к дилемме, которая давала о себе знать на протяжении нескольких столетий. С одной стороны, быстро развивающееся Московское государство естественным образом все более весомо проявляло себя в европейских делах, с другой – европейские страны испытывали опасения в отношении нарождавшегося гиганта на востоке и предпринимали шаги для того, чтобы по возможности изолировать его, не допустить до участия в наиболее важных делах континента.

Из тех же времен – кажущееся противоречие между традиционным общественным укладом и стремлением к модернизации с использованием наиболее передового опыта. На самом деле энергично развивающееся государство не может не пытаться осуществить рывок вперед с опорой на современные технологии, что не означает обязательного отказа от своего «культурного кода». Мы знаем множество примеров модернизации восточных обществ, которые не сопровождались радикальным сломом традиций. Это тем более верно для России, которая по своей глубинной сути является одной из ветвей европейской цивилизации.

Кстати, запрос на модернизацию с использованием европейских достижений отчетливо проявился в российском обществе еще при царе Алексее Михайловиче, а Петр I с его талантом и энергией придал этому императиву взрывной характер. С опорой на жесткие меры внутри страны, на решительную и успешную внешнюю политику первый русский император за два с небольшим десятилетия сумел выдвинуть Россию в разряд ведущих государств Европы. С тех

пор с Россией уже не могут не считаться, ни один серьезный европейский вопрос невозможно решить без учета российского мнения.

Нельзя сказать, что такое положение дел всех устраивало. На протяжении последующих столетий вновь и вновь повторялись попытки вернуть нашу страну на допетровские рубежи. Но этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в середине XVIII века Россия выходит на ключевую роль в общеевропейском конфликте – Семилетней войне. Русские войска тогда триумфально вошли в Берлин – столицу считавшегося непобедимым прусского короля Фридриха II, – и лишь неожиданная кончина императрицы Елизаветы Петровны и восшествие на российский престол симпатизировавшего Фридриху Петру III спасло Пруссию от неминуемого разгрома. Этот поворот событий в истории Германии до сих пор именуется «чудом Бранденбургского дома». Размеры, мощь и влияние России существенно укрепились в период правления Екатерины Великой, достигнув такого положения, когда, по выражению канцлера тех времен Александра Безбородко, «ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

Хотел бы привести мнение известного исследователя российской истории, постоянного секретаря французской Академии Элен Каррер д'Анкос о том, что Российская империя по совокупности всех параметров – размеров, способности управлять своими территориями, долговечности существования – являлась величайшей империей всех времен. При этом она вслед за Николаем Бердяевым отстаивает ту точку зрения, что России историей предназначена великая миссия связующего звена между Востоком и Западом.

На протяжении по крайней мере двух с лишним последних столетий любые попытки объединить Европу без России и против нее неизменно оканчивались тяжелыми трагедиями, преодолевать последствия которых всякий раз удавалось лишь при решающем участии нашей страны. Имею в виду, в частности, наполеоновские войны, по завершении которых именно Россия выступила спасительницей системы международных отношений, основанной на балансе сил и взаимном учете национальных интересов и исключающей тотальное доминирование на европейском континенте какого-либо одного государства. Мы помним, что император Александр I принял самое непосредственное участие в выработке решений Венского конгресса 1815 г., которые обеспечивали развитие континента без серьезных вооруженных конфликтов на протяжении последующих сорока лет.

Кстати, идеи Александра I можно в определенном смысле считать прообразом концепции подчинения национальных интересов общим целям, имея в виду прежде всего поддержание мира и порядка в Европе. Как говорил российский император, «не может быть более политики английской, французской, русской, австрийской; существует только одна политика – общая, которая должна быть принята и народами, и государями для общего счастья».

Венская система была разрушена опять-таки на волне стремления вытолкнуть Россию на европейскую обочину, которым был одержим Париж в период правления императора Наполеона III. В попытке сколотить антироссийский альянс французский монарх был готов, как незадачливый гроссмейстер, жертвовать всеми остальными фигурами. Чем это обернулось? Да, Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., последствия которой ей через не очень продолжительное время удалось стряхнуть с себя благодаря последовательной и дальновидной политике канцлера Александра Михайловича Горчакова. Что же касается Наполеона III, то его правление закончилось в немецком плену, и кошмар франко-германского противостояния на долгие десятилетия навис над Западной Европой.

Приведу еще один эпизод, связанный с Крымской войной. Как известно, австрийский император тогда отказался помочь России, которая за несколько лет до этого, в 1849 г., пришла ему на выручку в период венгерского восстания. Известны слова, сказанные по этому поводу австрийским министром иностранных дел Феликсом Шварценбергом: «Мы поразим Европу

своей неблагодарностью». В целом можно сказать, что разбалансировка общеевропейских механизмов запустила процессы, которые привели к развязыванию Первой мировой войны.

Отмечу, что и тогда российская дипломатия выступала с идеями, опережающими свое время. Сейчас не очень часто вспоминают о созванных по инициативе императора Николая II Гаагских мирных конференциях 1899 г. и 1907 г., которые были первыми попытками договориться о том, чтобы развернуть вспять гонку вооружений и подготовку к разрушительной войне.

Первая мировая война привела к гибели и бесчисленным страданиям миллионов людей и крушению четырех империй. В этой связи уместно вспомнить еще об одном юбилее, который предстоит в будущем году, – столетии русской революции. Сейчас остро стоит задача выработки сбалансированной, объективной оценки тех событий, тем более в условиях, когда, особенно на Западе, находится немало желающих использовать эту дату для новых информационных атак на Россию, представить революцию 1917 г. в виде какого-то варварского переворота, чуть ли не столкнувшего под откос последующую европейскую историю. Хуже того – поставить советский режим на одну доску с нацизмом, возложить на него часть ответственности за развязывание Второй мировой войны.

Без сомнения, революция 1917 г. и последовавшая Гражданская война были тяжелейшей трагедией для нашего народа. Однако трагедиями были и все другие революции. Это не мешает, скажем, нашим французским коллегам превозносить свои потрясения, которые помимо лозунгов свободы, равенства и братства принесли гильотину и реки крови.

Невозможно отрицать, что русская революция была величайшим событием в плане воздействия на мировую историю, причем воздействия неоднозначного и многопланового. Она стала своего рода экспериментом по реализации на практике социалистических идей, имевших тогда широчайшее распространение в Европе, и ее поддержка со стороны населения опиралась в том числе на стремление значительной его части к социальной организации при опоре на коллективные, общинные начала.

Для серьезных исследователей очевидно огромное влияние преобразований в Советском Союзе на процессы формирования так называемого социального государства или «общества всеобщего благоденствия» в Западной Европе в период после Второй мировой войны. Правительства европейских государств пошли на внедрение беспрецедентных мер социальной защиты именно под воздействием примера Советского Союза и в стремлении выбить почву из-под ног левых политических сил.

Можно сказать, что сорок лет после Второй мировой войны стали удивительно благоприятным периодом для развития Западной Европы, которая была избавлена от необходимости принятия собственных крупных решений и под своего рода «зонтиком» американо-советского противостояния получила уникальные возможности спокойного развития. В этих условиях в западноевропейских странах были отчасти реализованы идеи конвергенции капиталистической и социалистической моделей, которые в качестве предпочтительной формы социально-экономического прогресса выдвигались Питиримом Сорокиным и другими выдающимися мыслителями двадцатого столетия. А теперь мы в течение уже пары десятков лет наблюдаем и в Европе, и в США обратный процесс: сокращение прослойки среднего класса, усиление социального неравенства, демонтаж механизмов контроля крупного бизнеса.

Бесспорна роль, которую Советский Союз сыграл в вопросах деколонизации, в подтверждении в международных отношениях таких принципов, как независимое развитие государств, их право самостоятельно определять свое будущее.

Не буду подробно останавливаться на моментах, связанных со сползанием Европы ко Второй мировой войне. Очевидно, что здесь опять роковую роль сыграли антироссийские устремления европейских элит, их желание натравить на Советский Союз гитлеровскую военную машину. И

вновь выправлять положение дел после этой страшнейшей катастрофы пришлось с ключевым участием нашей страны в определении параметров и европейского, и теперь уже мирового порядка.

В этом контексте разговоры о «столкновении двух тоталитаризмов», которые сейчас активно внедряются в европейское сознание, в том числе на уровне школьных учебников, безосновательны и безнравственны. Советский Союз, при всех пороках существовавшей тогда в нашей стране системы, не ставил перед собой цели уничтожения целых народов. Вспомним Уинстона Черчилля, который всю свою жизнь был принципиальным противником СССР и сыграл большую роль в развороте от союзничества времен Второй мировой к новому противостоянию с Советским Союзом. Он, тем не менее, вполне искренне признавал: «Концепция добронравия – жить по совести – это по-русски».

Кстати, если честно смотреть на положение небольших европейских государств, которые раньше входили в Варшавский договор, а теперь – в НАТО и ЕС, то очевидно, что речь должна идти отнюдь не о переходе от подчинения к свободе, о чем так любят рассуждать западные идеологи, а скорее о смене лидера. Об этом недавно хорошо сказал российский президент Владимир Путин, да и представители этих стран за закрытыми дверями признают, что не способны принимать сколь-либо значимые решения без отмашки из Вашингтона и Брюсселя.

Думается, в контексте столетия русской революции нам очень важно глубоко осознать непрерывность российской истории, из которой невозможно вымарать какие-то отдельные периоды, и важность синтеза всего массива наработанных нашим народом позитивных традиций и исторического опыта в качестве основы для энергичного продвижения вперед и утверждения по праву принадлежащей нашей стране роли одного из ведущих центров современного мира, поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности.

Послевоенный миропорядок, опиравшийся на противостояние двух систем, был, разумеется, далек от идеального, но он, тем не менее, позволил сохранить основы международного мира и избежать самого страшного – искушения прибегнуть к массивному применению оказавшегося в руках политиков оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного. Укоренившийся на Западе в связи с распадом Советского Союза миф о победе в холодной войне оснований под собой не имеет. Это была воля народа нашей страны к переменам, помноженная на неблагоприятное стечение обстоятельств.

Множественность моделей вместо унылого однообразия

Эти события привели, без преувеличения, к тектоническим сдвигам в международном ландшафте, к серьезнейшему изменению всей картины мировой политики. При этом выход из холодной войны и связанного с ним непримиримого идеологического противостояния открывал уникальные возможности для переустройства европейской архитектуры на принципах неделимой и равной безопасности и широкого сотрудничества без разделительных линий.

Появлялся реальный шанс на решительное преодоление раскола Европы и реализацию мечты об общем европейском доме, в поддержку чего выступали многие мыслители и политики на континенте, включая президента Франции Шарля де Голля. Наша страна была полностью открыта для такого варианта и выступала с многочисленными предложениями и инициативами на этот счет. Совершенно логичным было бы создание новых основ европейской безопасности через усиление военно-политического компонента Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Владимир Путин в интервью немецкому изданию Bild недавно приводил высказывание видного германского политика Эгона Бара, который выдвигал подобные идеи.

Западные партнеры, к сожалению, пошли по другому пути, выбрали вариант расширения НАТО на Восток, приближения к российским границам контролируемого ими

геополитического пространства. Именно в этом заключается корень тех системных проблем, от которых сегодня страдают отношения России с США и Европейским союзом.

Примечательно, что Джордж Кеннан, который считается одним из творцов американской политики сдерживания СССР, в конце жизни назвал решение о расширении Североатлантического альянса трагической ошибкой.

Глубинная проблема, связанная с таким западным курсом, заключается еще и в том, что конструировался он без должного учета общемирового контекста. А ведь современный мир в условиях глобализации отличается беспрецедентной взаимозависимостью различных государств, и сегодня отношения между Россией и ЕС уже невозможно выстраивать так, как если бы они все еще, как в период холодной войны, были в эпицентре мировой политики. Нельзя не принимать в расчет мощные процессы, которые происходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, в Латинской Америке.

Главной приметой современного этапа являются стремительные перемены во всех сферах международной жизни. Причем они часто принимают неожиданное для всех направление. Например, сегодня очевидна несостоятельность популярной в 1990-е гг. концепции «конца истории», авторство которой принадлежит известному американскому социологу и политическому исследователю Фрэнсису Фукуяме. Она предполагала, что бурное развитие глобализации знаменует собой окончательную победу либерально-капиталистической модели, а задача всех остальных заключается лишь в том, чтобы побыстрее к ней подстраиваться под руководством мудрых западных учителей.

На деле же второе издание глобализации (предыдущая ее волна случилась перед Первой мировой войной) привело к рассредоточению глобальной экономической мощи и, соответственно, политического влияния, к появлению новых крупных центров силы, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее яркий пример – резкий рывок вперед Китая, который благодаря беспрецедентным темпам экономического роста в течение трех десятилетий вышел на позиции второй, а в соответствии с подсчетами по паритету покупательной способности – уже и первой экономики мира. На этом фоне можно воспринимать, как говорится, в качестве «медицинского факта» множественность моделей развития, что исключает унылое однообразие в рамках единой – западной – системы координат.

Соответственно, произошло относительное сокращение влияния так называемого «исторического Запада», который на протяжении практически пяти веков привык видеть себя в роли вершителя судеб человечества. Обострилась конкуренция по вопросу о формировании контуров мироустройства XXI века. Причем переход от холодной войны к новой международной системе оказался намного более длительным и болезненным, чем это виделось 20–25 лет назад.

На таком фоне один из базовых вопросов в международных делах сегодня заключается в том, какую форму принимает эта в целом естественная конкуренция между ведущими мировыми державами. Мы видим, как США и ведомый ими западный альянс пытаются любыми средствами сохранить доминирующие позиции или, если использовать американскую лексику, обеспечить свое «глобальное лидерство». В ход идут самые разные методы давления, экономические санкции, а то и прямая силовая интервенция. Ведутся широкомасштабные информационные войны. Отработаны технологии неконституционной смены режимов путем осуществления «цветных революций». При этом для народов, являющихся объектами таких действий, демократические революции оказываются разрушительными. И наша страна, прошедшая в своей истории через период поощрения искусственных преобразований за рубежом, твердо исходит из предпочтительности эволюционных перемен, которые должны осуществляться в формах и со скоростью, соответствующих традициям и уровню развития того или иного общества.

Россию в западной пропаганде принято сейчас обвинять в «ревизионизме», в якобы имеющемся у нас стремлении разрушить сложившуюся международную систему, как будто это мы бомбили Югославию в 1999 г. в нарушение Устава ООН и Хельсинкского заключительного акта. Как будто это Россия игнорировала международное право, вторгаясь в Ирак в 2003 г., и извращала резолюции Совета Безопасности ООН, свергая силовым путем режим Муаммара Каддафи в Ливии в 2011-м. Эти примеры можно продолжать.

Рассуждения о «ревизионизме» не выдерживают критики и базируются по существу на простой до примитивности логике, предполагающей, что «заказывать музыку» в мировых делах сегодня может только Вашингтон. В соответствии с таким подходом получается, что на международный уровень переместился сформулированный когда-то Джорджем Оруэллом принцип: все равны, но некоторые более равны, чем другие. Однако международные отношения сегодня – слишком сложный механизм, чтобы им можно было управлять из какого-то одного центра. Это подтверждают результаты американского вмешательства: в Ливии государства по сути не существует, Ирак балансирует на грани распада – и далее по списку.

Объединить усилия ради успеха

Надежное решение проблем современного мира может быть обеспечено только через серьезное, честное сотрудничество ведущих государств и их объединений в интересах решения общих задач. Такое взаимодействие должно учитывать многоцветие современного мира, его культурно-цивилизационное многообразие, отражать интересы основных компонентов международного сообщества.

Практика показывает, что когда эти принципы применяются на деле, удается добиться конкретных, весомых результатов. Упомяну, в частности, заключение соглашения по урегулированию вопросов, связанных с иранской ядерной программой, ликвидацию сирийского химического оружия, согласование условий прекращения боевых действий в Сирии, выработку основных параметров глобального соглашения по климату. Это свидетельствует о необходимости восстановления культуры поиска компромиссов, опоры на дипломатическую работу, которая может быть сложной, даже изматывающей, но которая остается, тем не менее, по сути единственным путем обеспечения взаимоприемлемого решения проблем мирными средствами.

Такие наши подходы разделяет сегодня большинство государств мира, включая китайских партнеров, другие страны БРИКС, ШОС, наших друзей в ЕАЭС, ОДКБ, СНГ. Другими словами, можно сказать, что Россия борется не против кого-то, а за решение всех вопросов на равноправной, взаимоуважительной основе, что только и может быть надежным фундаментом долгосрочного оздоровления международных отношений.

Важнейшей задачей считаем объединение усилий против не надуманных, а совершенно реальных вызовов, среди которых главным является сегодня террористическая агрессия. Экстремистам из ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и другим подобным удалось впервые поставить под контроль значительные территории в Сирии и Ираке, они пытаются распространить свое влияние на другие страны и регионы, совершают теракты по всему миру. Недооценку этой опасности нельзя расценивать иначе как преступную близорукость.

Президент России призвал к формированию широкого фронта для нанесения террористам военного поражения. Серьезный вклад в эти усилия вносят Воздушно-космические силы России. Одновременно энергично работаем в интересах налаживания коллективных действий по политическому урегулированию конфликтов в этом охваченном глубоким кризисом регионе.

Но подчеркну – долгосрочный успех может быть достигнут только на основе продвижения к партнерству цивилизаций, опирающемуся на уважительное взаимодействие различных

культур и религий. Считаем, что общечеловеческая солидарность должна иметь нравственную основу, формируемую традиционными ценностями, которые являются во многом общими для ведущих мировых вероисповеданий. Хотел бы в этой связи обратить внимание на совместное заявление Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска, в котором, в частности, выражается поддержка семьи как естественного средоточия жизни человека и общества.

Повторю – мы не стремимся к конфронтации ни с США, ни с Евросоюзом, ни с НАТО. Наоборот, Россия открыта для самого широкого взаимодействия с западными партнерами. По-прежнему считаем, что наилучшим способом обеспечения интересов народов, проживающих на европейском континенте, было бы формирование общего экономического и гуманитарного пространства, простирающегося от Атлантики до Тихого океана, так чтобы недавно сформированный Евразийский экономический союз смог стать интегрирующим звеном между Европой и АТР. Стремимся делать все, что от нас зависит, для преодоления препятствий на этом пути, включая урегулирование на основе Минских договоренностей украинского кризиса, спровоцированного госпереворотом в Киеве в феврале 2014 года.

Сошлюсь на мнение такого умудренного жизнью и опытом политика, как Генри Киссинджер, который, выступая недавно в Москве, сказал, что «Россию следует рассматривать как ключевой элемент любого глобального равновесия, а не как прежде всего угрозу Соединенным Штатам... Я выступаю, – подчеркнул он, – за возможность диалога с целью обеспечения нашего общего будущего, а не для углубления конфликтов. Для этого требуется уважение обеими сторонами жизненных ценностей и интересов друг друга». Мы придерживаемся именно такого подхода. И мы продолжим отстаивать в международных делах принципы права и справедливости.

Русский философ Иван Ильин, размышляя о роли России в мире в качестве великой державы, подчеркивал, что «великодержавие определяется не размером территории и не числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес, ... вносит творческую, устрояющую, правовую идею во весь сонм народов, во весь “концерт” народов и держав». С этим трудно не согласиться.